

ПРИНЯТО В 1954 ГОДУ

Накануне нового года строители закончили в гор. Сталино сооружение около ста новых жилых домов, больниц, клубов и административных зданий. Новостройки, пуск которых был приурочен к новому году, настолько много, что государственная комиссия успела принять по актам лишь часть их. Приемка ряда зданий началась в первые дни нового года.

Дворец физкультуры в Сталино
Фото В. Виткова

Только что подписаны акты на прием зданий, построенных на улице Артема. В одном из красивых новых домов разместился Государственный институт проектирования шахт; многие его сотрудники здесь же получили квартиры. Другое здание, увенчанное башней, построено для Донбассводотреста. Вступили в строй первые очереди помещений травматологической больницы и областной библиотеки имени Н. К. Крупской.

Киевскому университету — сто двадцать лет

В январе нынешнего года исполняется 120 лет со дня основания одного из старейших высших учебных заведений страны — Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко. История Киевского университета ярко отражает великую дружбу русского и украинского народов, выразительно говорит о благотворном влиянии этой дружбы на развитие украинской науки и литературы.

Со дня своего основания Киевский университет был тесно связан с университетами Москвы, Петербурга, Казани. Первым его ректором был воспитанник, а впоследствии и профессор Московского университета М. Максимович — друг Шевченко и Гоголя, известный ботаник и филолог, собиратель украинских народных песен, переводчик «Слова о полку Игореве» на украинский язык. В Петербурге начал свою научную деятельность проф. Д. Граве, создавший впоследствии в Киевском университете первую русскую школу алгебраистов. Воспитанником Петербургского университета был и проф. М. Аверариус — основоположник киевской школы физиков. В Казани учился создатель киевской школы химиков проф. С. Реформатский. Большое влияние на развитие астрономической науки в Киеве оказал известный русский ученый Ф. Бредликин.

Почетными членами Киевского университета состояли выдающиеся деятели русской науки и культуры Н. Пирогов, И. Тургеуев, Д. Менделеев, И. Гончаров, А. Островский, И. Мечников. Огромное влияние на передовую часть киевского студенчества и профессуры оказали идеи Герцена, Великого, Чернышевского и Добролюбова. В стенах университета не раз вспыхивали революционные волнения, жестоко подавляемые царским правительством; в январе 1901 года 183 студента «за учение скопом беспорядков» были отданы в солдаты, а университетское здание занято войсками. В защиту студентов Киевского университета выступил на страницах «Искры» В. И. Ленин.

Великая Октябрьская социалистическая революция превратила Киевский университет в подлинно народное учебное заведение. Сейчас на 13 факультетах занимается 6 000 студентов — украинцев и русских, белорусов и грузин, узбеков и литовцев, молдаван и армян... Здесь получают высшее образование и представители молодежи стран народной демократии.

Киевский университет дал стране немало выдающихся ученых, писателей и общественных деятелей — академики А. Бах, А. Вышинский, Е. Тарле, Н. Чеботарев, О. Шмидт, А. Корнейчук и многие другие деятели науки и культуры являются его питомцами. Сейчас коллектив университета готовится к празднованию 300-летия воссоединения Украины с Россией. Этот большой всенародный праздник студенты и преподаватели университета отметят новыми достижениями в учебной и научной работе.

Киев. (Наш корр.)

Итоги поэтического года

5 и 6 января на расширенном заседании президиума ССП СССР обсуждался вопрос о состоянии современной поэзии. Вступительное слово — обзор стихов, опубликованных в толстых журналах в минувшем году, — сделал А. Сурков.

В прениях выступили Н. Асеев, С. Вургул, С. Васильев, А. Барто, Н. Грибачев, Л. Отанян, И. Сельвинский, Т. Тальвинский, С. Кирсанов, С. Крыжановский, П. Антокольский, В. Инбер, Е. Евтушенко, Б. Соловьев, П. Бровка.

Подобный отчет будет дан в следующем номере газеты.

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР
О награждении писательницы Караваевой А. А.
орденом Трудового Красного Знамени

В связи с шестидесятилетием со дня рождения писательницы Караваевой А. А. и отмечая ее заслуги в области художественной литературы, наградить Караваеву Анну Александровну орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К. ВОРОШИЛОВ
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПЕГОВ

Москва, Кремль.
6 января 1954 г.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 3 (3187)

Четверг, 7 января 1954 г.

Цена 40 коп.

ЖИЗНЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Корейский дневник

В Пхеньяне, в конце проспекта Сталина, в большом пятиэтажном доме помещается городской комитет Трудовой партии. Этот дом всего лишь три месяца тому назад был без крыши, окон и дверей, с проломами в стенах. Сейчас дом восстановлен.

У входа в горком стоит будка, и в ней находится часовая.

— Сон томну, — сказал я, опережая переводчика и придавая своим словам одновременно вопросительное и объяснительное значение.

Сон была фамилия заместителя председателя горкома, к которому я направился, «томну» — по-корейски — «товарищ». Часовой улыбнулся, спросил:

— Сорен? — это значит «Советский Союз».

Я кивнул. Он сказал: — Харр-ра-со, — и сделал нам знак идти по коридору.

Товарищ Сон сидел в большой нетопленной комнате, но не в пальто и не в телогрейке, а как бы наперекор всему, в легкой гимнастерке военного покроя. Во время беседы он назвал несколько цифр, которые говорят сами за себя и не нуждаются в комментариях.

За годы войны на Пхеньян было совершено свыше 2,5 тысячи налетов одних только тяжелых бомбардировщиков, не считая самолетов других типов. В среднем Пхеньян бомбили ежедневно свыше 30 самолетов. На город было сброшено более 46 тысяч бомб разного калибра, и в среднем на один гектар городской площади пришлось по 8,5 бомбы. В Пхеньяне до войны насчитывалось примерно 73 тысячи домов. Разрушено около 70 тысяч, и лишь несколько сотен зданий поддается восстановлению.

Тотчас же после прекращения огня развернулась упорная работа, чтобы дать людям кров, обеспечить элементарные условия для деятельности правительственных и партийных учреждений. В городе уже построено несколько тысяч глинобитных домов общей площадью более 36 тысяч квадратных метров. Восстановлены в большей или меньшей степени здания Кабинета министров, ЦК Трудовой партии, городского народного комитета, горкома партии, министерства культуры и пропаганды, центральных комитетов профсоюзов. Имеются пять временных кинотеатров, драмтеатр, работают 40 начальных, 26 неполных средних и 5 средних школ, 2 техникума, строительный институт, политехнический и медицинский институты, открыт детский дом для сирот. Работают текстильная и табачная фабрики, на курсах готовятся кадры строительных рабочих...

И это сделано в течение трех месяцев после окончания войны в условиях разрухи, острого дефицита строительных материалов!

Надо ли говорить, что подобные работы можно было осуществить только при наличии братской помощи Советского Союза и Китая.

В этом году начнется строительство 800 жилых домов, нового здания, в котором разместятся 27 министерств, здания ЦК Трудовой партии, двух гостиниц, будут капитально отремонтированы дома, подожженные при бомбежке, построены 3 новых моста через Тэдонган, 2 больницы, несколько яслей, стадион, кинотеатра, здание Академии наук и многое другое.

...Был уже вечер, когда я ушел из горкома. Зажигались редкие и тусклые фонари. Замелькали лампочки в сарайчиках и глинобитных домиках. В лавочках закачались на ветру фонари «летучая мышь», фонари из вощеной бумаги. Вспыхивали и гасли фары автомашин. Дребезжали звоночки регулировщиц, с наступлением темноты заменяющие свистки.

Люди, а не стены, создают города, утверждают китайцы. Корейцы — смеются, настоящие люди. Им помогает весь демократический мир. И они создают города еще лучше и краше прежних.

Я стоял и долго наблюдал за вечерней жизнью Пхеньяна, который можно было бы назвать посевшим, если сравнить его с человеком.

И вдруг увидел необыкновенное и глубоко символическое зрелище. Посредине улицы, все приближаясь, шел автобус. Это был наш московский автобус. Он катился,

чуть покачиваясь на выбоинах, новенький, переполненный пассажирами, сияя сигнальными огнями — красным, зеленым, желтым...

Это был один из автобусов, только что полученных из Советского Союза.

Часовой вышел из будки, посмотрел на автобус, промчавшийся мимо нас, как видение будущего большого, шумного Пхеньяна, улыбнулся, перевел взгляд на меня и, чуть закинув голову, сказал громко и выразительно:

— Харр-ра-со!

...Поздним вечером мы сидели в кабинете председателя Народного комитета Пхеньяна.

Председателю — лет за пятьдесят. У него смуглое, с резкими чертами, паразитично спокойное лицо, внимательные и сосредоточенные глаза.

Когда он слушал, его лицо оставалось неподвижным. И тогда, казалось, жили только один глаз, внимательные, спокойные, как будто не только видящие, но и слушающие.

Председатель Народного комитета сидел в окружении четырех телефонов. Телефоны часто звонили. Председатель снимал одну за другой трубки, произносил неизменное «обасэ», соответствующее нашему «алло», кого-то выслушивал, что-то отвечал. Но глаза его неизменно оставались здесь, с нами.

Наконец он сказал: — Вот мне только что звонил директор текстильной фабрики. Они пустили крупнейший цех досрочно...

Он умолк, подумал: — Текстильная фабрика? Это очень, очень важно. Народ Кореи остро нуждается в тканях, в одежде. Начинается зима...

— Нельзя ли рассказать о фабрике подробнее? — Зачем? — Председатель чуть улыбнулся. — Разве уши всегда могут заменить глаза?

Наутро я отправился на текстильную фабрику. Мы пересели Тэдонган по временному наведению железных дорог, добровольцами мосту. Мы проехали мимо большого восстанавливаемого здания мясной фабрики, тяжелой промышленности и вскоре оказались на территории текстильной фабрики.

Эта была поистине огромная территория. Размеры ее достигают нескольких сотен гектаров. Впрочем, земля я почти не видела. Она была сплошь покрыта битым кирпичом, железом, старыми трубами, обломками каких-то механизмов и горами хлама. Но чем ближе я подходил к основному корпусу фабрики, тем отчетливее были видны результаты «чистительной» работы.

Эта работа шла полным ходом, и сейчас, на моих глазах, сотни солдат Народной армии вместе с фабричными рабочими разбирали завалы, буквально прорубали все новые и новые подъездные пути к фабрике.

Директор фабрики товарищ Бим Хон Сик сидел в большой комнате за столом у высокой и узкой железной печки. Рядом стояла жаровня с углем. На печке кипел закипающий чайник с водой. Комната эта служила одновременно и директорским кабинетом, и конторой, и местом собраний.

На директоре были синяя тужурка, хлопчатобумажные брюки и большая синяя кепка. С первых же слов он поспешно соблаговещивать, что провел год в СССР, практикуясь на хлопчатобумажном комбинате в Ногинске.

...В первый день после подписания перемирия, когда люди впервые открыто вышли днем на пхеньянские улицы, все еще с недоверием поглядывая на небо, в течение трех лет прозвизгивая им смертью, несколько человек во главе с Бим Хон Сигом пришли на место, где когда-то находилась их родная фабрика. Они увидели пустую каменную коробку придильного цеха. Она стояла, окруженная горами завалов, и походила на растерзанный бурей, потерявший управление корабль. Принятие про-

извели «перекличку». Оказалось, что в наличии имеется четыре плотника и несколько каменщиков.

Плотники и каменщики приступили к работе. Через несколько дней Народная армия прислала в помощь текстильщикам строительный батальон. Из разных мест потянулись на фабрику ранее работавшие на ней люди. И, наконец, ко всеобщей радости приехал советский инженер, тот самый, что помогал в мирные годы строить и расширять эту фабрику.

Все эти люди дивились и почевали на фабрике.

Утро для них наступало до восхода солнца, вечер — с появлением ярких корейских звезд. Трудности не исчерпывались недостатком подготовленных кадров. Они удивлялись из-за отсутствия необходимых материалов. Вспомнил: кирпичные заводы, стекольная фабрика — вся промышленность строительных материалов была разрушена интервентами. Но и там, на этих кладбищах, среди руин также появились люди, для которых пуск предприятий стал делом жизни. Перед глазами всех этих людей день и ночь стояли их родная, разоренная страна. Стояли их товарищи, братья, матери, жены, дети. У них не было жизни, одежды. Они торопились: скорее, скорее!

И вот наступил день, когда в наполовину восстановленные фабричные цехи надо было доставить станки.

Доставить станки. Легко сказать! Часть из них была установлена за несколько километров в подземном помещении маленькой, на 600 рабочих, текстильной фабрик: она не прекращала работу всю войну. Большая же часть станков была увезена и зарыта на окраинах Пхеньяна.

И все же люди доставили станки на место. Доставили их, не разбирая, — на машинах, волах и на себе, и установили не за срок дней, как предполагалось, а за двенадцать.

Подоспела помощь. Возвратилась из СССР многочисленная группа квалифицированных строительных рабочих, прошедших практику на наших стройках. Советский инженер, помогая восстанавливать фабрику, в то же время подготовил еще четырех специалистов.

Фабрика была пущена 1 декабря минувшего года. Сейчас она дает три тонны пряжи в сутки, а в ближайшем будущем будет давать двенадцать тонн.

И вот вместе с товарищем Бимом мы идем в цех. Это — огромное помещение. Во всю его длину тянутся горячие трубы парового отопления. Здесь тепло!

Точно струя молока, вытекает на придильных машинах хлопок. Девушки в черных кофтах, черных брюках и цветных косыках, из-под которых падают на плечи ослепительно черные волосы, стоят у станков рядом со старыми рабочими.

Проходив в фабричную лабораторию. На новеньком лабораторном оборудовании марка: «Текстильмашприбор, Москва».

Такой цех еще не пущен. Пряжу пока отправляют ткачам в другие места. Но в наполовину выстроенном ткацком цехе уже стоят и работают несколько станков.

— Мы готовим кадры, — поясняет директор, — одновременно с окончанием строительства цеха мы получим несколько десятков квалифицированных ткачей.

На дворе было довольно холодно. Но Бим Хон Сик бродил с нами по фабричной территории, даже не надевая ватника. Он был оживлен, весел и, казалось, согривался каким-то внутренним огнем. Бим показал нам почти готовые каменные корпуса общежитий для рабочих, — ведь на комбинате будет работать около двадцати тысяч человек! — столовую, будущий клуб...

Мы покидали территорию фабрики под вечер. Снова со всех сторон обступил нас разрушенный Пхеньян. Но развалины теперь казались какими-то иными. Попел снег, крупный и мягкий. И чудилось, что из-за снежной шелены, из вечернего сумрака выступают громады больших каменных корпусов. Конечно, это был мир, но мир особый, готовый стать реальностью.

Александр ЧАКОВСКИЙ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

ПХЕНЬЯН

Международные отклики

ТРЕВОГИ ВЕРБОВЩИКОВ

Американскую молодежь охватил негод «военноблудизм». Ее, оказавшейся калачом, не заманишь теперь в ряды армии. Эта болезнь получила столь широкое распространение в США, что о ней вслух — и все громче — говорят не только газеты, но и высшие чины Пентагона. Генерал Брэдли, недавний председатель объединенной группы начальников штабов США, признал, например, что «у способных молодых людей имеются сомнения относительно целесообразности военной карьеры».

Куда более остроконечно дилитонский корреспондент газеты «Кроник», выходящей в Хьюстоне (штат Техас). Не связанный пентагонским «этикетом», он пишет уже не о «комоньяна», он говорит об «отращении к военной службе» у американской молодежи. Молодые люди, указывает «Кроник», никак не хотят принять во внимание тот «достойный сожаления факт, что Соединенные Штаты превратились в милитаризованную страну и могут оставаться таковой в течение многих лет в будущем».

Дело дошло до того, что пришлось создать в Пентагоне даже специальную «комиссию по вопросам энтузиазма» под руководством контр-адмирала Уомбла. Занялся «вопросами энтузиазма», видимо, в помощь чиновной комиссии, и небезвестный обозреватель Хэнсон Болдуин, всегда принимающий близко к сердцу тревоги Пентагона.

«Происходит что-то неладное с кадровым составом вооруженных сил», — озабочено замечает Болдуин в самом начале своей статьи, опубликованной в журнале «Сатердей внигн пост».

Что же так встревожило Болдуина? Оказывается, американскую молодежь перестала прилекать офицерская карьера. «Длинная серая шеренга», как образно именует Болдуин офицеров — выпускников Вест-Пойнта, «начинает иссыхать». Слушатели военного училища в Вест-Пойнте охотно подают заявления об отставке, и число таких заявлений за последние два года удвоилось. Этому, говорится далее в статье, «соответствует... большое и шумно выражаемое нежелание большинства наших молодых людей служить в качестве рядовых и унтер-офицеров. Около трех тысяч человек дезертирует из армии каждый месяц», — деловито сообщает Болдуин.

Из статьи, опубликованной в журнале «Сатердей внигн пост», можно также узнать, что отношение общественности к кадровым военнослужазим зачастую представляет собой нечто такое, что можно назвать слегка покровительственным презрением». А в газете «Кроник» находим по этому поводу следующее признание: «многие военные, несущие службу в окрестностях крупных городов Соединенных Штатов, чувствуют недружелюбное отношение гражданских лиц. Нужно только посмотреть, как военнослужащие бродят по улицам Вашингтона в праздничные дни, причем гражданские сторонятся их, и им некуда податься...».

Американские вербовщики, раздувающие агрессивные настроения вооруженные силы, сталкиваются с серьезными трудностями. Понятно поэтому прилики жестокой раздражительности, которые охватывают Болдуина — «своего человека» в Пентагоне — каждый раз, как только заходит речь о тех, кто не спешит пополнить ряды «самой большой в мирное время армии» США и сменить свое имя на солдатскую кличку «Джи ай». «Многие молодые люди предпочитают сидеть в качалке... а не в автоматическом выбрасывающемся сиденье на самолете...». Американская молодежь, очевидно, больше стремится к материальной обеспеченности, чем к приключению... «Нечто надежное за низкое вознаграждение, а не азартная игра ради высоких ставок — вот цель, к которой стремится все большее и большее число американских молодых людей», — так с жеманной злобой пишет Болдуин о молодом поколении Америки, о его мирных устремлениях.

Почему же американская молодежь, которая добровольно вступала в ряды вооруженных сил в годы второй мировой войны, когда США участвовала в антигерманской коалиции, теперь избегает военной службы и даже дезертирует из армии? Болдуин делает попытку ответить и на этот вопрос. Он, например, заявляет, что ответственность за создавшееся положение разделяют конгресс и гражданские и военные власти. Он упрекает вербовщиков в больших и малых организационных учреждениях. Он ссылается на разные причины и даже на предосудительную, по его мнению, «склонность всего нынешнего поколения жениться в молодые годы».

Однако каталог упущений, как ни старательно он составлен Болдуином, это — на поверку — каталог с упущениями. Он отнюдь не объясняет того, самим Болдуином засвидетельствованного, факта, что многие молодые люди в США начинают рассматривать военную службу как своеобразную форму наказания. И не случайно свои упреки по адресу нерасторопных вербовщиков негласный член «комиссии по вопросам энтузиазма» перемещает меляхолическими жалобами на то, что служба в армии «теряет обаяние» в глазах американских юношей. Но почему? Прямой ответ на этот вопрос Болдуин топчет в пространных рассуждениях об идущих и не идущих к делу второстепенных подробностях, отвлекая внимание читателей ведомственной перебранкой. Не потому ли, что американская молодежь не видит никакого «обаяния» в том, чтобы жертвовать своей жизнью в имя чуждых ей интересов в военных авантюрах, подобных той, какую развязала в свое время агрессивные силы в Корею? Не потому ли, что она не находит ничего «обаятельного» и в той ненавистной народам роды оккупантов, которую играют американские войска за тридцать земель от своей родины во многих странах мира?

ЛИТЕРАТОР

Встреча с гостями из Бирмы

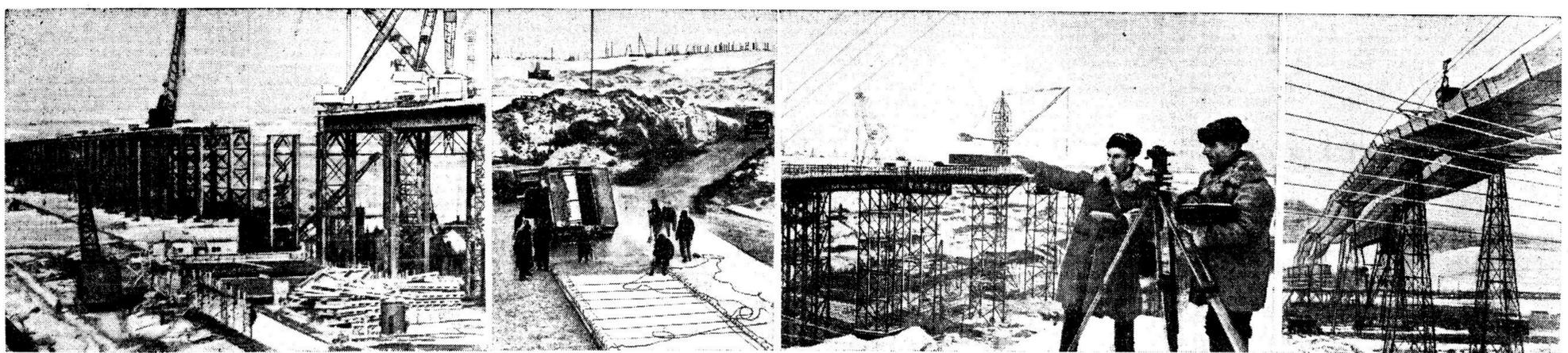
В Союзе советских писателей СССР состоялся прием гостей в нашей стране по приглашению Советского комитета защиты мира делегации прогрессивных деятелей культуры Бирмы.

В составе делегации: вице-председатель Всебирманского комитета защиты мира, писатель Дагон Тейя, член исполнительного комитета Ассоциации писателей Бирмы, редактор литературного журнала У Ба Уин, член парламента и Всебирманского комитета защиты мира Бо Тун Сейн.

Бирманские гости кратко ознакомили собравшихся с историей освободительной борьбы своего народа за независимость, рассказали о все расширяющемся в их стране движении в защиту мира. Они информировали также о состоянии современной литературы Бирмы, о переводах на бирманский и английский языки произведений русских классиков и советских писателей. Члены делегации поделились своими впечатлениями о пребывании в Советском Союзе, где они воочию убедились во всенародном стремлении к миру.

В свою очередь Б. Полевой, В. Ермилов, С. Шпичаев и А. Штейн рассказали гостям о наиболее интересных явлениях советской литературы, о тех творческих проблемах, которые стоят перед советскими писателями, ознакомили с работой издательств и литературных организаций.

В заключение Б. Полевой поблагодарила деятелей культуры Бирмы за интересную беседу и выразила уверенность, что эта дружеская встреча будет способствовать дальнейшему укреплению культурных связей между народами Советского Союза и Бирмы.

Новыми трудовыми успехами ознаменованы первые дни наступившего года. На фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, на новостройках страны — всюду идет напряженная работа... Каховская ГЭС. Кто не слышал об этой стройке на Днепре! Уходит вдаль ажурные переплетения стальных ферм: близка к завершению бетонная эстакада у котлована будущей электростанции. Скоро проедет от автоматизированного бетонного завода первый поезд. На основных участках уже идет бетонирование, круглые ступи — в несколько смен самосалы подвозят бетон.

Интенсивно трудятся в нелегких зимних условиях строители мощной Сталинградской гидроэлектростанции на берегу великой русской реки Волги. Полным ходом ведется бетонирование. Бетон кладут в котловане на глубине 15 метров ниже уровня реки.

Кипит работа и на строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции. На высоте 40 метров поднялся здесь эстакада, по которой скоро пойдут мотовозы; вступила в строй канатная подвесная дорога от каменоломного завода на горе Могутовой до бетонного завода. Более 70 вагонов движется по ее стальным канатам, перевозит щебень.

На снимках (слева направо): бетоновозная эстакада Каховской ГЭС; укладка бетона на Сталинградгидроэлектростанции — техник-тонограф Е. Лимарь и техник-геолог Н. Горбачев уточняют расположение буровых скважин в районе бетонной эстакады; унасток канатной подвесной дороги.

ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬ РАСТЕНИЙ

Ольга КРЕТОВА

Тридцать лет на селекционной станции в Рамони, неподалеку от Воронежа, работает Аведик Лукьянович Мазлумов. Среди трех тысяч селекционных растений нашей страны засеяны семена сортов, созданных на этой станции. Поэтому можно сказать, что каждый третий стакан чая мы пьем с «рамонским» сахаром.

Широко распространен взгляд, что в работе селекционера главное — терпение. По этому поводу А. Я. Мазлумов говорит: — Селекция, пожалуй, больше, чем любая другая наука, требует от человека всей его жизни. Но только ли в терпении дело? Горькое разочарование постигнет того, кто научу закисляет свой «невод» и идет: а вот попадет в него «золотая рыбка» селекционного счастья. Голова поестся, а рыбки все нет и нет...

Многие думают, что важнейшее качество селекционера — наблюдательность. — Действительно, зоркий глаз очень нужен в нашей работе, — подтверждает Мазлумов. — Но я часто привожу своим ученикам слова Горького о том, что факт еще не вся правда. Надо мыслить, чтобы извлечь из сырья фактов настоящую правду. Аведик Лукьянович считает, что основное для селекционера — метод и направление.

Он рассказывает, при каких обстоятельствах усомнился в общепринятом, издавна утвердившемся и как восстал против «апортистов».

В 1924 году Мазлумов побывал на старейших селекционных станциях Украины. Здесь в селекции свеклы безраздельно господствовал инстинктивный с Запада метод: отбор родоначальников будущих сортов производился только во время копки, а полезные признаки определялись исключительно по данным лабораторий. Таким образом, селекционер изучал не живое свекольное растение в процессе его роста и развития, а только часть его — корень. Он видел перед собой лишь конечный результат жизнедеятельности растения. Он мог установить полезные или вредные качества данного экземпляра, но процесс возникновения этих признаков оставался неизвестным.

Нет, не вдохновил юношу Мазлумова этот механический метод.

Зато нечисто прямо противоположное увидел молодой селекционер в Козлове.

Мичурин был в саду. Перед ним, приклоненные к земляному гребню, выстроились, как на смотру, саженцы. Вдоль этой шеренги Мичурин шел довольно быстрым шагом. То и дело раздавался беспощадный приговор: «Выкинуть! Выкинуть!».

— Я был поражен, — рассказывает Мазлумов, — все деревья казались мне одинаково хорошими. Но признаки, незаметные для меня, были отчетливо видны Мичурину — так хорошо знал он своих питомцев.

Мичурин изучал живое растение в неразрывной связи со средой, воспитывал растительный организм в нужном направлении, прививал ему желаемые качества.

— Опять это, я навсегда решил, за кем идти, — говорит Мазлумов.

В Рамони Мазлумов стал целые дни проводить на плантациях.

Но вот что произошло однажды... В лаборатории лежали корни. По данному анализу, они были безупречны. Мазлумов посмотрел их этикетку, справился в своей записной книжке и вдруг рассерженно крикнул: «Выкинуть!».

— Крикнул и сам испугался своей дерзости, — вспоминает Аведик Лукьянович. — На меня смотрели изумленно. Пришел один из крупных специалистов. Выслушал мои доводы, опирающиеся на полевые наблюдения, он стал упрекать меня в субъективизме, в игнорировании научных показателей. Требовал в то время я не мог. Я начал просить не пускать эти номера в скрещивание, а изучать их отдельно.

Через год корни-обманщики были разоблачены, их потомство оказалось очень плохим.

Разумеется, внешние признаки растения исследовали молодого ученого не сами по себе, а как отражение биохимических и физиологических процессов, протекающих в организме. Окраска листьев, цвет черешка, строение розетки — все это менее значимо, чем такой показатель, как привязанность ботвы в жаркую погоду. Видный, поникший лист — это «фабрика», работающая только наполовину. И Мазлумов решительно ставил «ловкую» растению-неженке.

Он наблюдал, как ведет себя растение при различных температурах, следил за скоростью и силой роста, за энергией корнеобразования.

Лабораторные исследования при таком подходе становились контрольными. Когда анализ подтверждали высокие качества полевых «отличников», можно было не сомневаться, что эти экземпляры достойны стать родоначальниками нового сорта.

В столкновениях и спорах, в борьбе мнений на Рамонской станции взяло перевес мичуринское направление, утвердилось подлинно научный метод. Пользуясь им, селекционеры-новаторы «собирали» время.

Раньше считалось, что для выведения хорошего сорта сахарной свеклы надо, по крайней мере, двенадцать лет. На Рамонской станции стали формировать сорта вдвое и втрое быстрее. Уже в 1930 году станция дала 14 новых ценных сортов сахарной свеклы.

...Шел 1934 год. На Западе в биологической науке пышно цвел махровый цветок морганизма. Как известно, махровые цветы бесплодны! Формальные генетики заявляли, что дальнейшее улучшение сортов сахарной свеклы махровостью, так как свекла глобы исчерпала «запас наследственной изменчивости», достигла физиологического предела» накопления сахара. Бесперспективными объявлялись также попытки совместить в одном сорте урожайность и сахаристость.

Влияние этих чуждых теорий испытывала на себе довольно значительная часть советских ученых.

А. Я. Мазлумов был с ними категорически не согласен.

Некогда Чарльз Дарвин высказал предположение, что из всех причин, обуславливающих изменения, самую важную составляет, вероятно, избыток пищи. Догадку эту Мазлумов использовал для решения селекционных задач. Он стал выращивать подопытную свеклу на расширенных площадях питания. Жадно используя обилие пищи, а также влаги, света и воздуха, свекольные растения наиболее полно раскрывали свои качества и накапливали полезные признаки.

При разреженном посеве обнаруживалось огромное разнообразие внутри сорта, что помогло вести отбор.

Кто-то из работников Наркомзема вздумал ускорить селекционный процесс директивными мерами. Мазлумову предложили дать сразу четыре новых сорта, пригодных для одних и тех же почвенно-климатических условий.

— Сначала я вспыхнул, — рассказывает Аведик Лукьянович, — это со мной бывает, — потом задумался: как быть?

Как из данного исходного материала сформировать сразу несколько сортов? Я прикинул различные варианты, но где-то в глубине сознания ядром ответ, который казался мне единственно правильным. Утвердиться в нем мне не помогло, казался бы, совсем не относящиеся к науке маленькие «происшествия».

Дело было так: меня вызвали в Воронеж на совещание. Возвращаясь домой, я купил гостинцев детям. Выбрал конфеты в самых различных обертках, зная, что девочки любят играть конфетными бумажками.

А ветерок маленькая Пина, заинтересовавшаяся не только обертками, но и их содержанием, огорченно воскликнула: «Папочка, зачем ты привез столько разных конфет? Лучше бы один, да самые лучшие!».

И вскопнул из-за письменного стола. Решение было принято. Никаких вариантов с сомнительными родоначальниками. Все, что есть в исходном материале самого лучшего, сочетать в одном сорте!

Так и была составлена семенная смесь. Скрещивание наиболее ценных компонентов образовало в 1936 году новый сорт, который вскоре поставил всесоюзный и мировой рекорд урожайности. Он сохранил устойчивость своих ценных признаков на протяжении многих лет. В 1949 году в Казахстане Герой Социалистического Труда Ольга Тоняченко, засеяв свой участок семенами этого сорта, вырастила по 1515 центнеров свеклы на гектаре.

Сорта рамонской селекции способны накапливать свыше двадцати процентов сахара при высокой урожайности. Им присуща засухоустойчивость, скороспелость, сопротивляемость болезням.

Все ли это, что нужно, чтобы новый сорт шагнул в селекционный участок на колхозные поля и жил там долгие годы?

Между селекционной станцией и колхозом есть еще два промежуточных пункта. Семеноводческий союз производит первичное размножение элиты — высококачественных сортов лучших сортов. А другие союзы занимаются массовым размножением так называемых фабричных семян, то есть семян, которые через сахарные заводы выдаются колхозам.

От этих инстанций зависит, получат ли колхозы новый сорт во всем богатстве его полезных качеств или обедненным.

В Рамони новые сорта сахарной свеклы создаются на базе высокой агротехники. Но уровень агротехники в колхозах, разномыслиях элиты, несколько ниже, чем на селекционной станции, а в ряде совхозов, производящих фабричные семена, она явно недостаточна.

Много сил кадет А. Я. Мазлумов, борясь за устранение разрыва между селекцией и семеноводством. А вот руководители совхозов, видимо, еще не поняли всей меры ответственности за семеноводческую работу.

Приспешники следят за судьбой рамонских сортов А. Я. Мазлумов. Он изучает опыт передовых свекольников, вовлекает их в творческий процесс дальнейшего улучшения сорта. Особенно поучителен опыт Героя Социалистического Труда Акулины Михайловны Черных. Своей многолетней практикой она опровергла утверждение некоторых зарубежных ученых, будто в СССР невозможны устойчивые урожаи свеклы вследствие засух.

Акулина Михайловна получает высокие урожаи при любых условиях погоды. Даже в 1946 году, когда листья на деревьях скручивались под палившим дыханием суховея, свекольная плантация Черных дала по 370 центнеров с гектара. За пятнадцать лет не было у Акулины Михайловны ни одного неудачного года.

На высокоурожайных участках передовые свекольники селекционной станции отбирают корни для внутрисортного скрещивания. Так участвуют сорта.

В Советской стране сахар стал предметом широчайшего народного потребления. Постановление партии и правительства о дальнейшем развитии сельского хозяйства, исполненное заботы о благе народа, радостно возмужало ученого. А. Я. Мазлумов полон новых творческих замыслов.

— Послушайте, — говорит он, — что писал один мудрый старец: «Жизнь стала другой — полой смысла существования, интересной, радостной. Поэтому и растение и животное должны быть более подвижными, более выносливыми, более отвечающими потребностям этой новой жизни. А это возможно только на основе всемогущей техники и всемогущей селекции».

— Не кажется ли вам, что эти слова сказаны Мичуриним сегодня?

Они будут механизаторами

В канун нового, 1954 года начали работать курсы трактористов при Судинской машинно-тракторной станции (Осташевский район, Московской области). На курсы принято двадцать шесть юношей и девушек из окрестных колхозов. Эти молодые люди решили стать механизаторами сельского хозяйства.

Курсанты изучают тракторы и прицепные орудия, получают практические навыки вождения машин и навыки слесарного дела, знакомятся с основами агротехники. Вести теоретические занятия на курсах поручено наиболее подготовленным специалистам Судинской МТС: среди них — недавно приехавший из города главный инженер тов. Вахмин и главный агроном тов. Алексеев. Практикой будут руководить опытные механики тт. Михайлов и Святников. Секретарь партийной организации МТС тов. Девакин прочел учащимся первую лекцию: «Постановление сентябрьского Пленума ЦК КПСС и задачи машинно-тракторных станций».

Колхозная молодежь охотно принялась за учебу. — овладев первоклассной техникой, которой государство оснащает МТС, выпускники курсов получат квалификацию трактористов первого или второго класса. Коллектив Судинской МТС пополнится постоянными механизаторскими кадрами.

Наш фотокорреспондент снял группу курсантов в перерыве между уроками. Заведующий курсами механико-кустарной И. Кузьмин (справа) беседует с учащимися И. Антоновым, А. Дмитриевым, М. Тарасовым и Н. Матросовым. Плодотворной учебы, друзья! Фото В. Пушкина

Обсуждение романа Ф. Панферова „Волга-матушка река“

В течение двух дней в Центральном доме литераторов на собрании секции прозаиков шло обсуждение романа Ф. Панферова «Волга-матушка река». С докладом об этом произведении выступил С. Шуккин. Докладчик сказал, что Ф. Панферов в своем произведении ставит важнейшие вопросы нашей жизни. Современному и смело поднимает писатель проблему руководства сельским хозяйством, помогая в решении задач, стоящих перед колхозной деревней. Роман резко ударяет по тем, кто тормозит наше развитие, — во всякого рода приспособленцам, разложившимся людям, трусам и лжецам, по скрытым и прямым врагам партии.

Однако этот удар ослаблен теми недостатками, которые присущи роману. Незастыбли эти, по мнению С. Шуккина, — не мелкие, не частные, а принципиальные. Субъективные высказывания автора о героях господствуют над объективным показом их. Героев Панферова не видишь, не слышишь. Внутренний мир их к тому же объединен, им недостает культуры. Небрежен язык произведения, в нем много однообразия, грубости. Вывод докладчика: противоречия содержания и формы — основное противоречие творчества Панферова.

Выступивший в прениях Г. Медянский, признавая заслуги Ф. Панферова, книгам которого чужд распространяемый грех нашей литературы — избирательность, в то же время считает, что «Волга-матушка река» — неудача писателя. Читатель воспринимает не только то, что думал, что хотел сказать писатель, но и то, как он это сказал, говорит Г. Медянский, а Ф. Панферов не нашел ясной и доходчивой художественной формы для выражения тех идей, которые он выдвинул.

И. Кремлиев остановился на излишнем пристрастии автора к гиперболизации, часто ведущей к нарушению художественной меры (мороз, ломающий деревья, разрушающий подъемные краны, и т. д.). Главным героем романа он считает важнейших героев — ума, образования, культуры — для того, чтобы мы полностью приняли их. Особенно это относится к Мореву и Бахареvu.

Полемизируя со статьями и выступлениями, в которых отмечались недостатки творчества Ф. Панферова, Е. Шевелева считает, что попытка исключить из оценки произведения мировоззрение, поднятые писателем проблемы, волюно или неволью приводит к формалистическим позициям. Некоторые критики, говорит Е. Шевелева, видимо, считают, что идейность писателя заранее зафиксирована и что поэтому при анализе художественных произведений об этом качестве можно не вспоминать. Однако тот публицистический темперамент, который проявил Панферов в своем новом романе, был и будет очень важной составной частью художественности мастера.

А. Петряев в своем выступлении говорил о том, что при всех своих недостатках

как роман Ф. Панферова — значительное явление, что он наряду с последними произведениями В. Овечкина, А. Калинин, В. Тендрякова двигает вперед развитие советской литературы. Ф. Панферов смело ломает установившуюся за последние годы в литературе дурную традицию метафизического изображения жизни.

О том, что Ф. Панферов в своем произведении не сглаживает трудностей, встречаясь с ними на пути советского общества, говорит и М. Храпченко. И это качество — умение видеть жизнь, умение верно понимать ее — также входит в понятие мастерства. По достоинству романа, продолжает М. Храпченко, не только в этом. Основные герои романа, несмотря на отдельные недостатки, показаны живо и убедительно. Образ Морева, например, взят из жизни, а возражения некоторых критиков против этого образа вызваны, по мнению М. Храпченко, тем, что они не видят здесь привычной схемы.

Отмечая отдельные недостатки романа, В. Лебедев, С. Иванов, М. Шкерин в целом дают высокую оценку «Волга-матушка река».

Г. Николаева в своем выступлении сказала о том, что она согласна с критическими замечаниями, высказанными в адрес романа в печати, но тем не менее этот роман дороже для нее, чем десяток других, вполне гладких книг. Автор подводит к жизни, как государственной человек, говорит о том, что волнует весь народ. К сожалению, автору не хватает умения посмотреть на свою работу со стороны, умения переписывать, отделять каждую фразу.

В дискуссии также приняли участие Н. Асанов, С. Малашкин, Б. Валенчик, Л. Скориню, Т. Трифонова, В. Урин, С. Злобин.

На дискуссии выступил Ф. Панферов, который рассказал о возникновении замысла этого романа, главной темой которого — борьба со стихийными силами природы, о планах следующих книг. Ф. Панферов поблагодарил участников обсуждения и возразил против некоторых критических замечаний.

Серьезный недостаток дискуссии состоял в том, что очень немногие крупные писатели участвовали в обсуждении романа. Никто из руководителей Союза писателей не выступил и даже не присутствовал на заседаниях, посвященных роману Панферова. Наряду с содержательными выступлениями были и такие, в которых ораторы (А. Марков, В. Богатырев, Г. Марягин) вместо делового разбора достоинств и недостатков произведения произносили восторженные панегирики, обрушиваясь на всех, кто в какой-либо форме критиковал недостатки романа.

Все это свидетельствует о настоятельной необходимости тщательно готовить и проводить на более высоком уровне творческие дискуссии в Союзе писателей.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

КНИГА О ПРОСТЫХ ЛЮДЯХ ИНДИИ

Несколько лет назад деятели индийской культуры, приветствуя в Калькутте делегацию работников советского искусства, сказали: «Мы просим вас взглянуть на Индию глазами ее народов. Вы будете очарованы несказанными сокровищами нашей родины, которыми так щедро наградила ее природа. Вы будете глубоко тронуты живописной прелестью нашей огромной страны, ее прекрасной флорой и фауной. Но всегда помните, что столичные города Индии, с их дворцами, отелями и кино-театрами, не отражают истинной картины нашей страны. И когда вы вернетесь в вашу страну, не забудьте рассказать народу Советского Союза о той суровой действительности, в которой живет сейчас индийский народ».

Я вспомнил эти слова, читая небольшой сборник «Индийские рассказы» (издательство «Правда», 1953), в котором собраны рассказы шести прогрессивных писателей Индии: Прем Чандра, Кришна Чандра, Муль Радж Астана, Навтеджа, Ибрагим Джалали и Маника Банерджи.

В этих рассказах нет описаний дворцов и отелей, экзотические цветы красноречия не украшают страниц, которые сохранили суровое дыхание правды жизни. Да, прекрасна старинная земля Индии, величественны здания, воздвигнутые народным гением. Но самое ценное из бесценных сокровищ Индии — это простые люди, их золотые руки, их благородные характеры, их нежные сердца, их борьба против нищеты, порожденной десятилетиями колониального рабства.

Рассказ Кришна Чандра «Свадьба» — это поэма в прозе, славящая бессмертную человеческую любовь, расцветшую среди иной и поэтической природы. Герои поэмы — простой деревенский труженник, которому пришлось работать от зари до зари не покладая рук; это — его невеста, а потом жена, принадлежавшая, как пишет Кришна Чандра, «к числу тех миллионов женщин на земле, нога которых никогда не ступала в паланкин, которые в детстве

никогда не качались в люльке и ни разу в жизни не пользовались экипажем». Но сколько красоты, непосредственности, человечности в их словах и поступках, в навеки соединившей их любви! «Все эта картина дышала невинностью и святостью», — описывает Кришна Чандра молодую чету. — И если есть на свете справедливость, доброты и красоты, то сегодня они были здесь».

В сборнике есть один рассказ Муль Радж Астана — о старом деревенском сапожнике. Вся жизнь этот сапожник шил обувью руками, но вот он узнает от школьника, что есть на свете машина, которая исполняет его работу гораздо быстрее и лучше. Немало чернил извела колониальная индустрия, чтобы доказать, будто индийский народ из-за якобы присущей ему отсталости ненавидит машину, предпочитая ей ручной труд. История старого сапожника Саудатара опровергает эти измышления. Герой рассказа мечтает о машине. Случай помогает ему осуществить эту мечту: богатый заказчик, сядший в Англию, присылает ему машину для шитья обуви с тем, конечно, условием, что старый сапожник вернет ему стоимость с «небольшими» процентами. Сколько обуви ни шьет Саудатара, проценты — это известное проклятие индийского труженника — прибавляются к процентам, долг не уменьшается, а растет.

Надвигаясь на работу, старик погибает. Жители деревни говорят, что его убила дьявол, принявший образ машины. Но автор внушает читателям другую мысль, он хочет, чтобы они поняли, «что любовь к машине и желания работать на ней для таких людей, как Саудатара, было недостаточно, что она должна была принадлежать им».

Страшные картины спровоцированной англо-американскими колонизаторами розни между мусульманами и индусами рисуют в рассказах «Свободный раб» и «На родину» писатели Ибрагим Джалали и Навтеджа. Но не колонизаторам, не религиозным фанатизмом и извержением принадлежат будущие Индии и Пакистана. Герои рассказа «На родину» Матаб Дин и Сант Сингх, исповедующие разные религии, начинают становиться жертвами розни. Матаб погибает, пытаясь спасти дочь Сингха.

Убийцы смогли оборвать жизнь этих людей, но не смогли разорвать их дружбу, скрепленную совместным трудом.

«...Никакому насилью не остановить движение жизни... Поводы времени теперь в наших руках», — говорит один из героев рассказа Навтеджа «На родину».

Это я понял, когда видел негасимую полосу к миру простых людей Индии. Это подтверждают реалистические произведения современного индийского искусства. Это мы видим в фильме «Обездоленные». Это мы видим теперь в книге рассказов индийских писателей.

Н. ЧЕРКАСОВ

ЖИЗНЬ В ТРУДЕ

Ценность повести А. Славутского «Полноценные металлургов» (Сталинское областное издательство, 1953, 342 стр.) заключается в том, что автор, ярко показывая страшное прошлое рабочих-литейщиков, раскрывает перед читателем все, чем богата эта профессия, привлекающая и в настоящее время смелых и сильных людей.

На зароботки ушел отец героя книги Ивана Коробова, орловский бедняк-крестьянин, владевший полосукой землей, на которой — не прекормился бы и овца. А через три года из деревни уходит в город и юноша Иван. В заводской казарме он раскисает отца, который «показался ему таким старым, как будто со дня их расставания прошло по крайней мере с десяток лет». Здесь работают, как на каторге: молотами добьют руду, кувалдами разбивают чугунные чушки... Но и эту работу нелегко получить...

Много проходит лет, немало мытарств претерпевает Иван Коробов, пока не становится первым русским мастером на заводе Юза: до сих пор мастерами здесь могли быть лишь иностранцы. Учить своих детей в школе ему не под силу, сына Юза Коробова — третье поколение металлургов — с детства иду на завод.

Образ Ивана Коробова — в центре книги, и этот образ нарисован живо, выукло. Перед нами неуемный работник, режкий на слово, крутой, вспыльчивый и честный человек. Мы сочувствуем герою с первого его появления на страницах повести, нас волнует и его дальнейшая судьба.

Возрастается после революции металлургия Донбасса. Перед читателем проходит целая плеяда металлургов — от выдающегося специалиста доменного дела

Ивана Павловича Бардина до юных домопечников Хабло и Раздья. Макевичи строят первую в стране механизированную доменную печь. Нелегко освоить работу на ней, «были такие минуты, когда и обер-мастер Коробов опускал руки, не зная, как выпрыгнуть положение». Слова главного инженера завода заставили его призадуматься: «Вы до сих пор работаете по старинке, так, как привыкли к вашим самоварах. А вы должны работать по-новому...».

Вот это-то умение советских людей поразмыслить, не обижаться на критику, очень хорошо показано в книге. Страницы, посвященные дружбе обер-мастера Коробова и инженера Шумкова, их горячим спорам и столкновениям, — лучшие в книге.

Перед приходом в Кремль в октябре 1937 года сын Коробова — Павел Иванович, ставший директором Магнитогорского комбината, говорит отцу: «Вы, батя, взгляните молодцом! Трудно сказать, что сорок лет отдал доменному делу». Старик отвечает на это: «— В живом деле человек не стареет, а молодеет». И разве не так чувство радости творческого труда пронизывает текст, поданный в Кремле товарищем Сталиным: «За здоровье новых и старых бойцов доменного дела в металлургии и, прежде всего, за здоровье доменщика товарища Коробова, за Коробова-отца, за сына его, за всю семью доменщиков Коробовых, за то, чтобы семья Коробовых не отстала от новых методов работы».

Иван Коробов в 1943 году, вернувшись в освобожденный Донбасс, задувает сорочковую доменную печь на своем веку.

«Когда я работал на комбинате, — говорит 73-летний Коробов на курорте китаянским и немецким рабочим, — мне казалось, что если бы появилась у меня денга, убежал бы я с завода и всю жизнь отдался. Как на каторге жила. А теперь послала меня в санаторий, я отдохнул, и снова тяплет меня на завод, в коллектив, к любимому делу».

Повесть «Полноценные металлургов» — дальнейшее развитие той темы, которую А. Славутский хорошо наметил в «Рассказе Ивана Коробова», опубликованном в 1951 году в журнале «Октябрь». В книге читатель увидит металлургов во весь рост, он полюбит их, как живых и близких людей.

А. КОПТЯЕВА

В БОРЬБЕ СО СТАРЫМ

Колхозники казахской степи «Приволье» не хотят больше жить в старых, гниющих жилищах. Под руководством председателя колхоза Мухита они берутся за постройку новых домов. Для строительства нужен строительный лес, много леса. Но добыть его нелегко. Он растет на горном хребте Тасеген, куда нет хорошей проезжей дороги. И вот Мухит и девушка-зоотехник Баршагуль, работающая в соседнем колхозе, ставят в печати вопрос о новой дороге в горы. Их поддерживают и партийные руководители района и колхозники. Дорога продолжается.

Такова схема событий, положенных в основу романа Габдуль Сланова «Приволье» (издательство «Советский писатель», 1953, 300 стр.). И писатель сумел так показать эти события, что в них не ощущаешь ничего надуманного, нарочитого.

Наиболее привлекательной стороной романа является художественное изображение национального своеобразия, быта, нравов казахского народа. Знакомая с романом, читатель все время видит живые, самобытные характеры, а не какие-то вневременные, умозрительные созданные схемы «переходного председателя», «новатор-зоотехника» и т. п. Этих национальных колоритов, свежим дыханием жизни привлекает роман.

В романе очень много сцен, эпизодов и просто тонких и метких наблюдений, переносящих нас в реальную атмосферу жизни Советского Казахстана. Запоминается сцена, в которой показано празднование 1 Мая, совпадающее с началом работ на трассе. Г. Сланов сумел художественно показать, что Советский Казахстан бережно сохраняет национальную форму культуры, напоив ее новым, социалистическим содержанием.

Автор подробно описывает национальные игры. Но в этих глубоко национальных по форме играх речь идет о совсем новых понятиях: о чести родного колхоза, о соревновании. Не случайно большинство призов выигрывает передовой колхоз «Приволье» — там и честь колхоза стоит выше, и коллектив дружнее, и кони лучше...

Национальные предрассудки и отжившие обычаи являются основой многих конфликтов романа — и прежде всего конфликта между передовыми колхозниками и

Саткыном, мелким спекулянтом и лодырем. В ряде эпизодов автор удачно раскрывает, как Саткын, пытаясь возродить родовые предрассудки, хочет использовать их в своих корыстных целях.

На отжившие предрассудки пробует опереться Саткын и в борьбе против Мухита.

Мухит и Баршагуль любят друг друга. Но они попадают в атмосферу сплетен и интриг, которые плетет против них Саткын. Используя в своих интересах старинный обычай, по которому одевшаяся женщина должна стать женой брата своего мужа, Саткын подговаривает остальных настроенных Саткына, требующих, чтобы Мухит, как младший брат ее погибшего мужа, женился на ней.

То, что писатель рядом с передовой девушкой Баршагуль нарисовал образ Саткына, которая вся находится во власти предрассудков и которая на наших глазах разрушает эти предрассудки, свидетельствует о правдивом, реалистическом взгляде автора на нашу действительность.

Но автор все-таки не сумел достаточно глубоко и мотивированно раскрыть переживания Саткына, и прежде всего роль партии колхоза Калует в этом переосмыслении. А между тем мы хотим видеть в книге не только показ трудовых подвигов, совершаемых колхозниками, но и жизненно-верное изображение той гребной перестройки сознания, которая преобразует Саткына в полноправного члена колхозного коллектива.

Г. Сланову удалось в целом правдиво показать жизнь казахского колхоза. Читатель с первой же главы охватывает ощущение простора, широты жизни, необходимости нового, передела. И хорошо, что это чувство сохраняется до последних страниц романа.

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

МЫСЛЬ И ЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ

Молодой поэт Николай Криванчиков по профессии — военный летчик. Жизненный опыт его еще невелик, и его замечательная профессия, естественно, определила содержание и тон его книги («Орляный нрав», Крымиздат, 1953, 80 стр.). Н. Криванчиков пишет стихи искренности, в которых ошутимо проступает личность поэта: он чуть отбывает на все радостное,

ТВОРЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА ТЕАТРА

Не раз уже говорилось, что в последние годы стал складываться индивидуальный творческий почерк некоторых наших режиссеров. Часто театры, казалось бы, различных библиотек и сцен становились удивительно похожими друг на друга, и в этой похвальной есть что-то удручающее одновременно. Как будто многие режиссеры молчаливо соглашались проводить некую единую инвариантную линию, ориентируясь на «средние» образцы.

Холодным резонансом, рассудочностью может страдать пьеса, но этот же грех может проявиться (и, к сожалению, проявляется) и в работе режиссера. Между тем советское искусство, в том числе и театральное, не может двигаться вперед без разнообразия творческих поисков, без стремления к свежести и новизне.

Художники театра и, в первую очередь, постановщик-режиссер имеют право на свой взгляд, по своему разумению решать предложенную им драматургом тему. А дело критика — правильно оценить творческую инициативу театра. Хорошо — поддержать, плохо — отринуть. Но бывает и так, что иной критик осуждает интересные, плодотворные творческие приемы талантливого режиссера, не желая считаться с присущей именно этому режиссеру своеобразной художественной манерой.

В связи с этим мне бы хотелось сказать несколько слов о спектакле «Европейская хроника», поставленном П. Акимовым в Ленинграде, в Театре имени Ленсовета. Об этом спектакле уже писали, но, думаю, полезно вернуться к нему, ибо, по моему, он представляет интерес: в этом спектакле ярко проявилась индивидуальность режиссерского почерка Н. Акимова, его стремление предложить свое решение творческой задачи.

В своей работе Н. Акимов стремился преодолеть фрагментарность пьесы, ее подчёркнутую хронологичность. В центре произведения — писатель Эдвард Люне, художник Анри Шарлюс, артистка Дагити Барьер, журналист Ильямар Бергстед. У каждого из них — свой сложный духовный мир, свои пути в жизни. Естественно, что психологически углубленное раскрытие характеров необходимо для убедительного сценического воплощения образов. Между тем один акт в пьесе отведен от другого целыми годами, действие переносится из одной страны в другую. При такой композиции пьесы трудно следить за изменениями психологического образа героев. Так, в первом акте французский художник Анри Шарлюс еще далек от политики, проповедует поклонение чистому искусству. Во втором акте он, уже побывав в Испании, убеждается в правоте антифашистов, признает необходимость активного участия деятелей искусства в политической борьбе. И постановщику и артисту надо показать зрителю, что и здесь и там — все тот же художник Шарлюс. В то же время журналист Ильямар Бергстед эволюционирует в другом направлении, превращаясь в социал-предателя и пособника реакции. И в этом случае образ развивается скачкообразно, и в разных актах Бергстед выглядит по-разному.

Каждый отдельно взятый этап в развитии персонажей пьесы «Европейская хроника» связан с важными историческими событиями: Европа перед второй мировой войной, в дни монашеского предательства, вторая мировая война и, наконец, борьба за мир в послевоенной Европе. Драматург стремится показать мужество и благородство борцов — прогрессивных деятелей европейской культуры, отважных друзей Советского Союза и противников фашизма. В бурных и острейших схватках двух враждебных лагерей каждый человек должен выбрать свою дорогу. Люди, страдающие неопределенностью взглядов, желающие найти тихую пристань в стороне от борьбы, оказываются в конце концов в жалком

положении. Об этом свидетельствует судьба талантливой артистки Дагити, отрешившейся от своего народа ради больших денег Голливуда. Начтожной и достойной презрения чувствует она себя, сравнивая свой жизненный путь, приведший ее к полной духовной опустошенности, с прямым и благородным путем друзей своей юности — Люне, Шарлюса и Марли Пенсен.

Большим и пестрым жизненным материалом заполнены все акты пьесы А. Арибузова. И постановщик спектакля правильно сделал, когда режиссерский ключ к пьесе нашел в резком контрастном противопоставлении представителей двух лагерей. Отношение персонажей пьесы к Советской стране, к борьбе народов за мир является главным, определяющим в их характере и поведении.

Вспомним, например, второй акт — Париж в дни Мюнхенского совещания. Шумный ресторан, где под звуки джаза танцуют и разговаривают заснеженные артисты. Режиссер не скупится на подчеркивание контрастов. Среди пестрой и пышной толпы, шума и крика встречаются старые друзья — Эдвард Люне, его невеста Дагити, художник Шарлюс, коммунистка Мария Пенсен. Их задумчивые разговоры ведутся в атмосфере ресторана. Им мешают выходящие таноры, официанты, пошлые кулебиты, но тем сильнее чувствуем мы героизм и волю к борьбе этих благородных людей, воюющих против противопоставления двух миров. Героическая пьеса «Бандьера России» заглушает звуки джаза и ресторанных песенок.

В этом действии, центральном по существу, отчетливо определяются судьбы основных героев пьесы. Здесь прозвучал свой талант Голливуду Дагити, порывався с Эдвардом Люне. Здесь раскрывается подлинное лицо предателя Бергстеда, здесь хищником капиталистическим оказывается Гаральд Хог, «человек разных профессий», в первом действии производивший впечатление беспутного, но доброго малюка.

Думается, что удачное решение второго действия во многом определяет удачу спектакля в целом. Вот почему, на мой взгляд, неудовлетворительны возражения критика Н. Калинина против режиссерской трактовки как второго действия пьесы, так и всего спектакля.

В своей статье, опубликованной в «Литературной газете», Н. Калинин считает, что режиссер и художник Н. Акимов отвлечены от пьесы, что в ней много лишнего, что режиссерские решения, особенно переживания героев, оплошала картинной вечерней жизни парижского ресторана. Н. Калинин считает, что мелькающие фигуры полубогаженных женщин заслоняют Люне и его друзей. Ему не нравится, что в ресторане много шума и суматохи. Но, по моему, именно в контрастном сопоставлении живых людей, вполне реально и правдиво изображенных на сцене, и выражается основная идея пьесы.

Не всегда, правда, режиссер соблюдает чувство такта. Так, например, ни к чему было представлять в явном карикатурном виде старого француза Ромуа, который выражает патристические мысли о единстве действий французов с русскими, ибо «из всех стран Европы только они подтвердили свою готовность защищать чехов». Тем более безвкусно заставлять Ромуа плясать какое-то дикое танго вместе со своим оппонентом Жавелем, проповедующим презрительство своей родины.

Однако, справедливо указывая на этот промах режиссера, Н. Калинин усматривает недостатки чуть ли не в каждой сцене. Осуждая езду на велосипедах в Коенгагене (первое действие), шумные сцены парижского ресторана (второе действие) и ряд других эпизодов спектакля, Н. Калинин, судя по его рецензии, хотел бы видеть совсем другую режиссерскую трактовку пьесы: сглаживающую конфликты, безмятежную в духе тех режиссерских приемов, которые, к сожа-

нию, непропормерно распространены в наших театрах.

В пьесе А. Арибузова и в режиссерской работе Н. Акимова действительно есть недостатки, но они не имеют ничего общего с теми воображаемыми недостатками, на которые ссылается Н. Калинин. Вслед за сильной сценой, где изображается трагедия Эдварда Люне за то, что он активно выражал свои симпатии к русским, идет явно слабейшая сцена спектакля — эпизод переписки на лодке Эдварда Люне уже в период второй мировой войны. Здесь очень условны и схематичны все образы — и командир отряда сопротивления, и рыбак с женой, и совершенно ничего не прибавляет в обрисовке характеров Эдварда Люне, Гаральда Хога и Оге Лузда, хорошо знакомых зрителям по прежним сценкам. Приходится только пожалеть, что изображению второй мировой войны и самоотверженной борьбе против фашизма не уделено больше места в тексте самой пьесы. Ничего интересного нет и в режиссерской трактовке этого эпизода, хотя Акимов-художник и старался поддержать Акимов-режиссера.

Последнее действие, написанное с явным бременем на сторону декларативности и риторики, оказывается изобретательными находками режиссера, которых не отрицает и Н. Калинин. Староюными годами, но молодым духом Эдвард Люне и его друзья снова здесь противопоставлены представителям капиталистического мира. Режиссер изобретательно подчеркивает этот контраст. Отсюда трюк с «каменем», отсюда же и безнадёжно старческое, дряхлое в фигурах капиталистов, которые, еще сохраняя власть в своих руках, смертельно боится борцов за дело мира и прогресса, боится хола историей. Но в этой сцене мало действия, мало событий, и режиссеру приходится все время преодолевать эту драматургическую сухость.

По мнению П. Калинина, в спектакле Театра Ленсовета личная жизнь персонажей заслоняет общественные интересы основных действующих лиц. Такое утверждение несомненно. О любви Дагити к Эдварду Люне и обо всех трагических переживаниях, связанных с разрывом влюбленных, в пьесе говорится скупо, тактично, и театральная постановка правильно доносит до зрителя этот сдержанный тон. Только в конце первого действия раскрывается коллизия Дагити — Люне — Шарлюс, только в конце второго действия обозначается разрыв, только к концу последнего действия становится ясным, что Дагити в унижении своем продолжает любить когда-то покинутого ею Люне. И в пьесе, и в спектакле личные переживания героев органически связаны с их общественным поведением, и образы эти убедительны как раз в той мере, в какой личное и общественное не противоречат друг другу.

Успеху спектакля способствует хорошая игра артистов, исполняющих главные роли. Особо следует отметить игру Г. Короткевич, сумевшей в каждом новом действии убедительно показать новые и новые грани в развивающемся характере Дагити.

Спектакль «Европейская хроника» не лишен недостатков. Но, справедливо и строго сказав об этих недостатках, критики должны заметить и поддержать то хорошее, что есть в спектакле. Несправедливо придирчивая критика, так же как и апологетическая, ведет к сглаживанию творческих индивидуальностей, одинаково вредит развитию нашего искусства, мешает создавать многообразные формы, жанры, стили, отнимает у художника право на творческую смелость. А без этого искусство не может успешно расти и развиваться! Чем больше будет у нас появляться не похожих друг на друга спектаклей, отмеченных смелостью творческих поисков, изобретательной работой режиссера и талантливой игрой артистов, тем больше пользы будет для нашего советского театра.

смелое и красивое. Чувство любви к своей боевой профессии, глубокого миролюбия советского человека, пожалуй, является одной из примечательных черт «Оригинального». В стихотворении «Поднятая целина» автор так передает свое восприятие любимого им труда:

И смотрим мы из-под руки
Туда, где наш лежал маршрут,
Там, словно борозды,
Чуть-чуть волнистые, пахнут...
А высь
Вся в пене голубой,
Вся жавороками полна,
Висит над нашей головой,
Как поднятая целина!

Мысль и чувство здесь слиты в образе. Подобный земной образ воздушной стихии мог, конечно, родиться лишь у человека, хорошо чувствующего мирный созидательный пафос советской жизни.

Но написаны стихи неровно. В том же стихотворении попадаются весьма несовершенные строки и бездумные сравнения, вроде: «К земле созрелые красные звезды рукой полотница зовут...».

Местная критика в рецензиях Б. Никифоровой («Крымская правда») и В. Карпенко (альманах «Крым») добродетельно и справедливо указала поэту на недостатки его стихов — на излишнюю любовь к пестроте и восклицаниям, на склонность к замысловатым и искусственным метафорам, на повторение собственных сравнений, показавшихся удачными. Недостатки такого рода встречаются и в лучших стихах Н. Крыжанчикова. Это прежде всего результат неумения найти красивую и сильную картину ясной и простого выражения. Иногда поэт пишет стихи, не задумываясь над тем, что возникший у него образ, промелькнувший образ для целого стихотворения, подтащит, маловатый, и потому, выказав эту мысль в одной строфе, в других он незаметно вынужден повторять себя.

В десятой главе альманаха «Крым» помещен цикл стихов «На южном рубеже», наглядно обнаруживающий этот недостаток стихов молодого поэта. «Севастопольский рассвет», «Улицы героев», «Готовность» так близки по настроению, одно стихотворение так логически продолжает другое, что кажется, если бы поэт исключил из них многочисленные громкие слова и литературные ассоциации, эти три стихотворения, естественно, могли бы соединиться в одно. Вот как мне представляется один из возможных вариантов такого цельного сти-

хотворения, в котором единая мысль стремительно развивается внутри него. Запомним могли быть первые строфы («Севастопольского рассвета»), большая часть которого посвящена надуманным рассуждениям о том, что невиденные поетом Галаго и Сингаур, мол, не мешают ему любить Родину. Солнцу же, восходящему над Севастополем, более подходит бы осветить именно Севастопольские «улицы героев». Так второе стихотворение естественно соединилось бы с первым. Наименования улиц, носивших имена героев двух Севастопольских оборон, рожают у поэта мысль о преемственности подвигов и поколений, о том, что «горит на флагах наших мирных строек нетленный отблеск воинских знамен». Но быть хорошим этому стихотворению мешают претенциозные сравнения (дымок над бухтой оказывается похожим на чуб матроса Кошки!) и не вяжущаяся с публицистическим пафосом стиха пейзажная концовка. Оно требует иного завершения, того обобщения, которое оказывается в третьем стихотворении — «Готовность». Кстати, это стихотворение заканчивается удивительно прозаическими строками: «Роина! Тебя матросы флота пиком в обиду не дадут!», в то время как в стихотворении «Над Крымом» та же мысль в применении к летчикам выражена образно:

И всем своим гвардейским экипажем
Клянемся мы земле родимой в том,
Что мы всегда ее прикроем
Нашим
Надежным, сильным, ласковым крылом.

Совершенно очевидно, что, если бы автор проявил большую требовательность, выскателность к слову и образу и опубликовал вместо трех или четырех одно стихотворение, оно прозвучало бы в полную силу и вызвало бы больше именно потому, что мысль не оказалась бы искусственно раздробленной. Это дисциплинировало бы и автора. Сами собой отпали бы ненужные метафоры и обнаружилось бы ненужные слова, ибо краткость требует точности.

А. МАКАРОВ

НЕГЛУБОКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Читатель хорошо знает героев Б. М. Станюковича, автора замечательных повестей и рассказов о жизни моряков. В последние

годы герои Станюковича обрели свою новую жизнь в фильмах «В дальнем плавании» и «Максимка».

Литературоведы незаслуженно мало уделяли внимания творчеству этого самолюбивого писателя. Критико-биографический очерк Г. Лозовика «Н. М. Станюкович» (Крымиздат, 1953, 198 стр.) — одна из первых попыток откликнуться на запросы читателей.

Правильно делает Г. Лозовик, когда стремится анализ творчества Станюковича связать со всей русской общественной и литературной жизнью последней трети прошлого века. Удачно используются в очерке некоторые новые архивные документы, свидетельствующие о том, каким гоением со стороны царского самодержавия подвергался писатель.

Однако творческий портрет писателя очерчен в книге бедно и схематично. Автору не удалось по-настоящему показать, в чем выразился огромный рост мастерства Станюковича в «Морских рассказах» по сравнению с предшествующими произведениями (романы 70—80-х годов).

Прекрасное знание морского быта, полнота охвата событий морской жизни и умение воссоздать множество деталей и тончайших штрихов в изображении морской стихии — все это, безусловно, было необходимо писателю для того, чтобы стать великим своим темой. И здесь нельзя не согласиться с автором очерка. Но существо реалистической зрелости писателя в произведениях о море заключалось не только в этом, а прежде всего в мастерстве создания характеров, которые подыто его героев до яркого типического обобщения. Смелость и мужество, человечность и патристичность поступков, сметливость и выдержка — все эти качества положительных героев предстали как типичные черты русского национального характера.

Вот это-то мастерство донки человеческих характеров, умение запечатлеть типические явления действительности в очерке Г. Лозовика погано поверхностно. Ни один из замечательных рассказов Станюковича не проанализирован в очерке всесторонне и глубоко, как целостное художественное произведение. Живой анализ в ряде случаев подменяется перечислением проблем.

Жизнь и творчество Б. М. Станюковича дают материал для более интересного и глубокого рассказа о деятельности и мастерстве писателя.

В. МИЛЬКОВ

„В ЧЕМ ТАЙНА ФОРМЫ?“

Упорно и настойчиво борются наши скульпторы за совершенную художественную форму. И это не удивительно — в скульптуре форма в самом прямом, материальном смысле этого слова является единственным средством выражения идей и чувств художника, единственным средством создания художественного образа.

Поиски формы всегда бесплодны, если художник вступает на путь формообразования, пустого и бесцельного экспериментарства, если не идея, образ, жизненное содержание рождает форму, а отвлеченные поиски пластических абстракций и объемов. На этой почве в творчестве скульпторов происходит немало ошибок и заблуждений.

Недавно я получил письмо от студентки Ростовского художественного училища. Она пишет: «Гонимая за формой, иду, но, увы, она завалена и пробивается великими подробностями, подкупающими, однако, своей красотой. Не видеть их, пренебречь ими? Как заставить себя сначала упростить, обобщить и выделить главное? В чем заключается тайна постижения формы?»

Ответить на эти вопросы — это значит осветить самые глупые проблемы мастерства в скульптуре. Чтобы было предельно понятно, я ответил студентке так: — Выделите шар. Его форма наиболее совершенна и полностью лишена всяких деталей и кистей, всякого смысла. Вот и найдена совершенная форма — а что с ней делать? Это так просто выделить, что и учиться не нужно.

А для того, чтобы обобщить и выделить главное, надо прежде всего искать образ, — тогда и форму и ее детали будет порождать образная, поэтическая мысль художника, его ясное представление о том, что он хочет сказать своим произведением. Когда художнику ясно, какое явление жизни он хочет отразить, форма композиции родится именно такой, которая наилучшим образом выразит замысел художника, а мерой знания жизни, мерой его мастерства будет определяться и степень художественного обобщения образа...

Эти мысли незлобно возникли и на недавней выставке московских скульпторов. Надо prima сказать, она продемонстрировала в большинстве произведений остроту и однообразие образных решений. Если честно и прямо ответить на вопрос, какое же произведение выставки, где представлено 190 различных скульптур, по-настоящему вызвало сердце, то надо сказать, что таких произведений на выставке очень мало.

Незаслуженно задвинутая в угол модель памятника изобретателю булатной стали А. И. Аносову работы А. Антропова и Н. Штамма может быть отнесена к числу произведений, в которых обособлено единство формы и содержания, есть удачное решение образа. Пылкий взгляд устремил изобретатель на согнутую руку и упругую полосу стали. Он всецело занят делом, в его обличье — разномыслие, спокойствие, упрямая, твердая воля и глубокое раздумье; фигуру отличает стройность, легкость и устойчивость. Здесь средства пластики служат тому, чтобы донести до зрителя внутреннюю суть героя — человека пылкого ума и цепаустремленного действия. Тут «сухие» детали — станок, инструмент, полоска стали — не подавляют и не заслоняют героя, да его и нельзя заслонить, так он полон силы и внутренней значительности. Здесь эти детали подчеркивают образ, работают на него.

И вот эти умения показать средствами пластики духовный мир человека и определять степень мастерства скульптора. Мы часто забываем, что только обращение к чувству зрителя, к его воображению, что только образы, полные реалистической силой, поэзии, открытости, приводят к настоящим победам. Живое отличие от мертвого силой проникновения художника в душу человека, в его духовный мир. Скульптор призван изображать не только лицо, но и личность. И скульптор Л. Калинин, скромно назвавший свою двухфигурную композицию «Сталевары», показал не только представителей определенной профессии, но и раскрыл духовный мир людей труда. Силы, энергии, уверенность в себе полны эти твердо стоящие на земле люди. В их глазах и лицах чувствуется и знание, и ум мастеров, и мускулистая упругость рук и тел. Автор подметил и показал в своих героях то высшее напряжение в труде, которое является творческим свершением. Вот в чем поэзия этой вещи! В известной степени такие качества отличают и работу И. Овчинко, вышедшего портретную композицию старея А. Субботина.

Е. ВУЧЕТИЧ,
действительный член
Академии художеств СССР

И в каждой вещи, где есть поэтическое видение жизни, стремление поднять образ человека до символического обобщения, есть и внутренняя теплота! Вот на скале стоит девушка-альпинистка. Она завершила труднейшее восхождение на вершину и глядит на открывшиеся ей дали. В ней все просто и естественно, она — живой человек и в то же время поэтический образ, олицетворяющий власть над природой, смелость и мужество покорителей вершин. Своей работой «Альпинистка» М. Седов наглядно подтверждает мысль, которая должна оплодотворять творчество каждого скульптора: его герой — человек становится символом и символом только в том случае, если острый и зоркий глаз художника ищет образ в жизни, если художник знает, кто его герой и что о нем можно рассказать такое, что будет интересно каждому. И лучшие работы выставки именно те, в которых есть эти жизненно правдивые черты. Здесь хотелось бы назвать две скульптуры Горького работы Л. Писаревского, портрет художника В. Цыганкова Д. Шарца, «Посланец мира» В. Цыганя, «Нахимов» В. Марунова, «Трубочник» Н. Ходатаева и ряд других.

В последнее время активно включается в творческую жизнь советских скульпторов старший скульптор С. Коненков, прошедший сложный творческий путь. Социалистический реализм предполагает большое разнообразие тем, жанров, форм, поэтому появление на наших выставках произведений такого своеобразного художника обогащает палитру советской скульптуры. Произведения, показанные С. Коненковым на этой выставке, говорят о его значительных достижениях.

По даже в тех работах, где чувствуется бичение жизни, есть недостатки, вызванные тем, что скульпторы пытаются усложнить форму без достаточного внутреннего оправдания. Например, в двухфигурной композиции Н. Ходатаева «Трубочник мира» непонятно выделен мальчик, с ясно ощущаемой теплотой прижимает к себе его тело мать, а вот правая ее рука вметнулась вверх и повисла в воздухе. И очень трудно понять смысл этого жеста — то ли протестует мать, то ли просит слова, то ли хочет сместь с лица земли все темные силы войны. Неясность мысли художника породила и неясность композиции.

Г. Арапов вывел из памятника фигуру Л. Толстого — это грамотно выполненная вещь. Но скульптор не вполне понял Толстого, писателя-реалиста, великого художника слова, срывавшего все и великие маски с современного ему общества, обличавшего его нравы и обычаи, его фарисейскую мораль. Толстой Арапова предстает перед нами, как пророк и мессия. У него суровый, отрешенный от жизни, устремленный ввысь взгляд, он, как евангелист, держит в руках книгу, будто сейчас начнет проповедь. Такой Толстой — скорей ступенька, чем великий реалист и драматург. Может быть, ошибка Арапова — ошибка роста; молодой талантливый скульптор стоит на позициях реализма, ему принадлежит хорошее будущее, ему надо только помнить, что ясная и точная форма и композиция вещи могут родиться лишь благодаря глубочайшему проникновению в смысл образа. Если бы скульптор правильно понял Толстого, он никогда бы не скопировал памятник этому писателю внешне так помятым и так неверно по сути. У второго молодого и также одаренного скульптора — И. Тетени, вышедшего фигуру для памятника Крылову, — недостатки такого же рода. В том же скульптура слабее в самой лепке — вся композиция не передает характера и личности Крылова.

Эти ошибки объяснимы, понятны и, можно смело надеяться, будут преодолены. Гораздо труднее понять то, что сделал Ю. Перода. Как мог молодой скульптор, выставивший прекрасный женский портрет в мраморе, в котором проявились мастерство лепки, зоркость глаза и умение владеть материалом, сделать такую вещь, как «Пугачев»? Дело не только в том, что безнадёжно отчаяние и дикий ужас застыли на мертвой маске вождя крестьянского восстания, — вся вещь, как мне кажется, сделана с каким-то непонятным изломом. Над головой подняты связанные веревкой руки, если можно назвать руками эти кривые сучья. По-моему, все урод-

ливо и несурово в этой скульптуре. Здесь нет ни трепета жизни, ни ясного содержания, ни мысли, и кажется, что художник задумал целью продемонстрировать нам непонятный трюк. Также трудно объяснить, почему выставленный В. Сандомирской необработанный кусок дерева называется «Колхозницей Дунашей»?

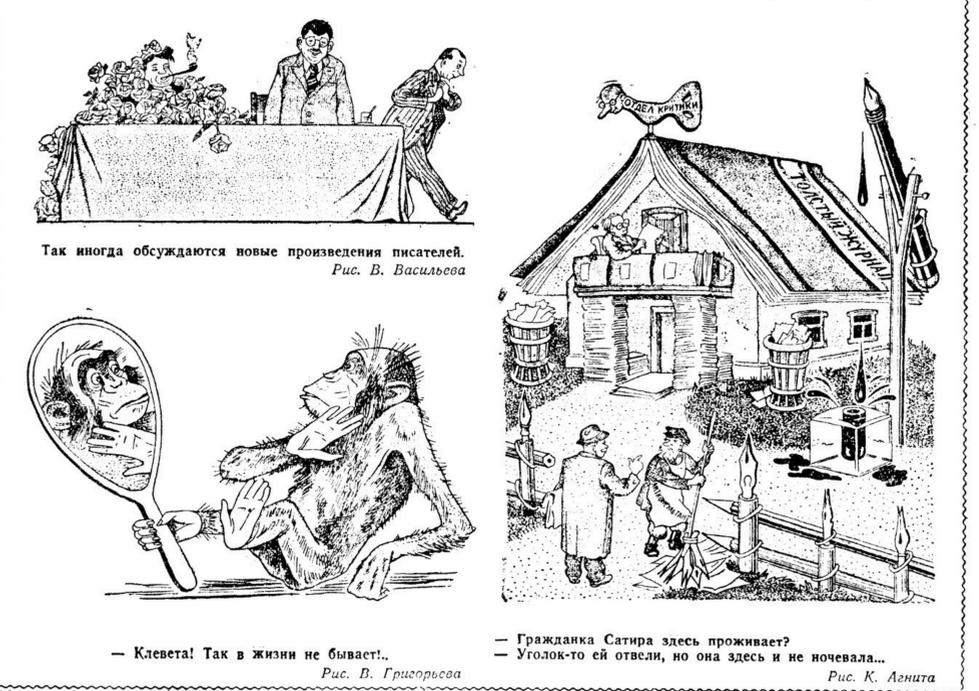
Мы боремся за яркую и многообразную по форме и по содержанию советскую скульптуру, мы боремся против серости и хаотичности, против формалистического трюкачества, и мне непонятно, почему две выше названные скульптуры, а также слабые, безграмотные работы Л. Берлина, Е. Блиновой, Г. Постникова и ряд других, будучи отклонены жюри выставки, — в большинстве случаев единогласно, — оказались в экспозиции.

Каждый истинный художник радуется многообразию форм и стилей в нашей скульптуре. И мне кажется совершенно неправильными попытки некоторых изобрести дело так, что будто бы в нашей скульптуре существует некое «подавляющее меньшинство», «официальный вкус». Во всех случаях, когда талантлив человек, когда он ищет не формалистическое содержание, а ясной формы, выражающей содержание, ему всюду обеспечены поддержка и успех, и чем ярче индивидуальность художника, чем своеобразнее его искусство, тем дороже каждому его произведение. А таких «хороших и разных» произведений у нас немало. Когда несколько лет тому назад никому тогда не известный скульптор А. Кибальников выставил свою яркую и оригинальную работу — фигуру Чернышевского, признание им было завоевано сразу же. Сделанный совсем в иной манере, но очень удачный проект монументального памятника защитникам Дальнего Востока сделал молодой скульптор А. Файдыш-Крандешевский, и памятник его скоро будет завершен в натуре.

Что же не порадуется, например, и серьезным успехам нашей «малой» скульптуры на этой выставке — бесспорным достижениям мастеров фарфора, фаянса, майолики? Чудесные, полные жизни и движения статуэтки сделала М. Холодная. Особенно хороша «Украинка с ковром». Здесь не только наряд, орнамент ковра, но и сам национальный тип изображенной девушки дышит Украиной, ее неповторимым поэтическим своеобразием. Замечательна по цвету и по форме фигура О. Богдановой «Народный защитник», изображающая девушку-куркенику, которая шлет письма для бойца. Мягкая по цвету и очень точная по форме, она передает трепет патристического сердца. Превосходны анималистические работы В. Ватагина. Талантливые, хоть и несколько подражательные, скачущие группы Г. Чулпановой и яркие, красочные, правда, немного статичные, «16 республик», которые представлены в работах девушек скульпторами И. Малашевой и М. Холодной, — все это большое богатство, которое, несомненно, будет приумножаться, — поручку той культуры, знания и таланты людей, работающих в этой области. Но и в этом деле всего важнее не любованье формой, а ясность содержания, не шегольство красками, которое заметно в некоторых вещах, а умение починить все средства своего искусства поэтическому замыслу художника.

Мне думается, что почти все, что я сказал о выставке, является до известной степени ответом на вопрос о том, в чем «тайна» формы? Это, в сущности, не тайна — сама история всего мирового и советского искусства дала ответ на этот вопрос. В памяти человечества, в сокровищнице его культуры веками хранится все, что с предельной простотой и ясностью рассказывает о душе народа, его думах и чаяниях, все, что полно глубокого смысла и содержания. Все вычурное, все изысканные формы, все попытки создавать пластические абстракции осудил самый строгий судья — время. В его приговоре все глубоко и точно обосновано. Лишь тот художник остается жить на долгие времена, который верно служит своему времени, своему народу, его будущему. Время хранит только то произведение, в котором оно само отразилось. И как только скульптор берет в руки глину с намерением поработать и опомелить причудливые формы, позавывай или вовсе не зная того, что он хочет сказать своим произведением народу и о народе, он обречен на провал. Первая его обязанность — обрести язык формы, пластика рассказывает «о времени и о себе». Ибо истинный художник и его индивидуальность неотделимы от эпохи, в которую он живет, от общества, для которого он творит и о котором он повествует.

По страницам украинского журнала сатиры и юмора „Перец“

Так иногда обсуждаются новые произведения писателей.

Рис. В. Васильева

— Клевает! Так в жизни не бывает!..

Рис. В. Григорьева

— Гражданка Сатира здесь проживает? — Уголок-то ей отвели, но она здесь и не ночевала...

Рис. К. Агитта

ВЕРМАХТ—АРМИЯ РЕВАНША

Перед нами на снимке отряд будущего аленбургского вермахта. Все здесь — и одежда, и стальные шлемы, и главное, выражение лиц — напоминает гитлеровских солдат.

ПОИМАНЫ С ПОЛИЧНЫМ!

Клевета в эфире

Если извлечь из архивной пыли комплект американских газет за май 1948 года, с их страниц опустит повесть дышащим бурей, которая разразилась тогда в стенах американского Капитолия.

ропа» в Мюнхене — теперь, когда коммунистические и рабочие партии стран народной демократии взяли курс на быстрый подъем сельского хозяйства, на создание обилия продовольствия и товаров народного потребления и ускорение жилищного строительства.

Известно, что мирная экономика стран народной демократии, не знающая анархии производства и кризисов, обеспечивает работу всем, систематическое повышение материального благосостояния народа. Успехи в экономическом строительстве создали условия для проведения политики последовательного снижения цен на промышленные и продовольственные товары.

Не проходит дня, чтобы в странах народной демократии рабочие семьи не спрашивали новостями. В Польше за один только 1952 год было построено свыше 100 тысяч комнат. В Варшаве, где строительство домов, по утверждению «Голоса Америки», — всего лишь «пропаганда», только за десять месяцев минувшего года рабочие и служащие получили 12,5 тысячи комнат.

В Польше, например, недавно побывали индийские гости. Они выразили свое восхищение всем виденным. «От посещения ваших городов», — сказал руководитель индийской делегации деятель искусств Барара Укиль, — у нас осталось впечатление огромного темпа восстановления и строительства заводов и жилых домов...

Мы видели квартиры, построенные вашим правительством для рабочих. А мексиканский профсоюзный делегат Сальвадор Фернандес заявил: «Мы ежедневно общались с польским населением и собственными глазами убедились в том, насколько лишены всяких оснований и вымышлены из пальца клеветнические вымыслы, распространяемые о вашей стране капиталистической пропагандой».

В тщетных попытках отрицать или извратить последние мероприятия, осуществляемые в странах народной демократии для повышения жизненного уровня населения, клеветники совершенно запутались, часто противореча самим себе. Несушная путаница царит в эфире на волнах, несущихся из Нью-Йорка, Лондона и Мюнхена. Вот, к примеру, что происходило в эфире в ноябре 1953 года.

11 ноября радиостанция «Свободная Европа» решительно заявила: «Никакого снижения цен в Польше не будет. Мы еще вернемся к этому вопросу не раз». И «Свободная Европа», действительно, снова вернулась к этому вопросу — 15 ноября. Как раз в этот день в народной Польше было произведено очередное снижение цен. От факта нигде не уйдешь. И слова применяются тот же метод, — признан вначале, что снижение все же осуществлено, мюнхенская радиостанция тут же добавляет: это снижение, собственно, «никакого значения не имеет». Однако факты припирают к стенке, и, противореча самой себе, «Свободная Европа» на другой же день вынуждена признать: «снижение цен имеет определенное значение».

Не согласен во мнениях по вопросу о снижении цен в Польше «Голос Америки» и «Би-би-си». «Жонглируя приемами», — кричала надрывая свои легкие, американские радиокорреспонденты по поводу снижения цен в Польше. А три дня спустя «Би-би-си», явно не попадая в тон заокеанскому соборату, вынуждена была, правда, сквозь зубы, признать, что частичное снижение цен в Польше «вызвало рост реальной заработной платы до пяти процентов».

Так радиоклеветники терпят провал за провалом. В Вашингтоне снова недовольны своими радиоприслушниками, плохо отбавляющими долларовой мзду. Небезызвестный сенатор Маккарти уже ищет в руководстве «Голоса Америки» саботажников, неблагодарных, подрывных элементов. Как бы вновь не разгорелась буря в Вашингтонском Капитолии!

Н. БАБИН

пост». Фотографии и документальный материал не оставляют никаких сомнений в том, что с благословения международной реакции в Западной Германии происходит возрождение германского милитаризма — злейшего врага миролюбивых народов.

Планы формирования немецкого вермахта были составлены еще до того, пишет журнал, как был подписан договор о «европейском оборонительном союзе». Уже тогда «не было более оживленного учреждения в Германии, нежели упрятанный от посторонних взоров дом на Эрмекейльштрассе в Бонне, где размещено вначале тайное, а теперь широко известное «бюро Бланка» — западногерманское «призрачное» министерство обороны».

«Пикчер пост» признает, что работа в ведомстве Бланка не прекращается. Что же делают бывшие гитлеровские генералы Ганс Шпейдель и Адольф Хойзингер? Оба они занимают руководящие посты в так называемом «бюро Бланка» и разрабатывают планы формирования вермахта. Более молодые сотрудники Бланка — полковник фон Бонин — ныне начальник военно-планового отдела в этом ведомстве и полковник граф фон Килмансегг, который ведал общими вопросами обороны.

Английский журнал подробно рассказывает о контингентах и планах развертывания вермахта. «В настоящее время», — пишет он, — предполагается, что общая численность западногерманских войск достигнет 500 тысяч — через два года после вступления в силу договора о «европейском оборонительном союзе». Примерно 380 тысяч из них составят сухопутную армию, которая будет обязана выставить 12 дивизий первой линии. 90 тысяч человек или больше будут числиться в военно-воздушных силах...

«Бюро Бланка», узнаем мы из корреспонденции «Пикчер пост», продолжает уже такую подготовительную работу, что ему и не понадобится двух лет на комплектование армии. Так прямо сказал в беседе с корреспондентом один из видных чиновников ведомства Бланка — господин де Мезьер. По его словам, 12 западногерманских дивизий включают большое количество бронетанковых войск, оснащенных тяжелыми и быстроходными танками. Бонисское правительство, отмечает журнал, настаивает на придании этим дивизиям «максимальной подвижности и ударной силы».

На снимке внизу — учебная тревога, во время которой используются танки. Направо журнал пытается уговорить читателей, что бонисские полковники, которые прохладят обучение, «намерены защищать мир». Кому же не ясно, что западногерманская армия создается для агрессии и реваншистских захватов. На снимке (второй справа сверху) мы видим солдат с винтовками. Это происходит на улицах маленького баварского городка — Кобурга. Нет сейчас, пожалуй, ни одного запятанного западногерманского городка, где бы не маршировали солдаты будущего вермахта.

«Пикчер пост» пытается заверить английское общественное мнение, что бонисские генералы, которым Теодор Бланк — фактический военный министр бониского «райха» — поручил формирование вермахта, якобы не опасны, ибо западногерманская армия будет проникнута духом «демократического духа». Гитлеровских генералов Хойзингера и Шпейделя, щедро награжденных в свое время «фюрером», «Пикчер пост» изображает некими «политическими противниками» Гитлера, а полковников Бонина и Килмансегга, подвигающихся в ведомстве Бланка, — чуть ли не мучениками, пострадавшими в годы гитлеризма.

Но и эти утверждения опровергаются фактами, приведенными в очерке корреспондента «Пикчер

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ МИРА

ИЗАБЕЛЛА БЛЮМ

Среди множества взволнованных, убежденных в своей правоте, пламенных, страстных голосов в защиту мира отчетливо слышится голос общественной деятельницы депутата бельгийского парламента Изабеллы Блюм. Волевым направленностью ее устных и письменных высказываний, конкретность и образность ее доводов, его эмоциональное воздействие, — все это трудно переоценить.

В одной из своих статей Изабелла Блюм писала: «Мне довелось на проходившей в Эльзвиге конференции организаций, стоящих за мир, слышать выступление одного из секретарей ООН, который обещался по сложной диаграмме все лабиринты аппарата ООН...». Слышав его, Изабелла Блюм невольно думала о том, что этой высокой организации пора бы, наконец, действительно выступить за «простое и прямое» дело защиты мира, в котором кровно заинтересованы все народы на земле. Примечательно, что конференция сторонников мира, о которой говорит Изабелла Блюм, происходила в Дании, в небольшом городке Эльсноре, расположенном у подножия замка, где Гамлет, принц датский, задавал самому себе вопрос: «Быть или не быть?».

Быть или не быть миру? — таков вопрос, который задают себе сейчас миллионы простых людей. И они отвечают: Быть миру! На это направлена благородная деятельность самых лучших представителей всех народов, людей разных верований, профессий и политических убеждений.

Быть миру! На это направлена неутомимая многолетняя деятельность одной из са-

мых страстных защитниц мира — Изабеллы Блюм. Она родилась в 1892 году в городе Бунаги

в семье протестантского пастора. Город Бунаги находится в Бельгии. Бельгия — небольшая страна. В своем выступлении на сессии Всемирного Совета Мира в Будапеште Изабелла Блюм заявила: «Малые державы часто использовались как предлог для начала войны». Уроженка Бельгии, она на собственном опыте испытала, какова участь малой страны, лежащей в центре Европы, на пути алчных домогательств агрессивных держав.

В августе 1914 года еще совсем юная Изабелла Блюм оказалась свидетелем той, как нейтралитет ее родины был грубо растоптан солдатскими сапогами полчищ Вильгельма Второго. В мае 1940 года в Бельгию вторглись моторизованные гитлеровские орды. Пренебрегая историей и литературой по профессии, Изабелла Блюм сама получила такие наглядные уроки истории, которые или превращают человека в неустрашимого борца за «простое и прямое» дело мира или отбрасывают его в лагерь малодушных.

Изабелла Блюм, не колеблясь, пошла по первому пути. «Я пришла в рабочее движение», — рассказывает она, — после войны 1914—1918 гг., чтобы бороться за мир и социальную справедливость, о чем я долго размышляла у колыбели моих детей, рожденных в горестях войны».

Благородный путь Изабеллы Блюм был полон трудностей, сопровождался всеческими преследованиями, вплоть до прямой травли. Много лет Изабелла Блюм была членом социалистической партии. Но для право-социалистических лидеров активное участие в борьбе за мир — серьезное преступление. 6 апреля 1951 года Блюм изгоняется из партии прежде всего за то, что

всеми своими мыслями и делами она способствовала делу мира, участвовала во Всемирном конгрессе сторонников мира в Варшаве, призывая к сотрудничеству со всеми без исключения демократическими миролюбивыми кругами во всех странах.

В ответ на преследования Изабелла Блюм еще более активизирует свою деятельность, мобилирует все свое умение публициста, свое искусство оратора, свой организаторский талант, свою кипучую энергию. Эти драгоценные качества политикой вносят она в золотой фонд защиты мира между народами. Слова и снова Изабелла Блюм опровергает утверждение тех, кто считает, будто малые страны не в состоянии что-либо сделать для предотвращения войны.

«Однако нас вооружают», — заявила Изабелла Блюм на митинге в Копенгагене, имея в виду проводимую по приказу США милитаризацию стран, входящих в Атлантический блок. — Но если мы достаточно сильны для того, чтобы участвовать в подготовке к войне, то мы также достаточно сильны и для того, чтобы бороться за мир».

Голос Изабеллы Блюм звучит далеко за пределами ее родины. Она выступает не только в Брюсселе, но и в Копенгагене, в Осло, в Стокгольме, в Берлине, в Вене, в Дублине. Ее пригласили приехать за океан и выступить на Всеканадском конгрессе в защиту мира. Но Изабелла Блюм лишена была возможности сделать это, потому что правительство Канады отказало ей в визе на въезд. Любую трибуну — будь то замкнутое в парламентских стенах собрание или многолюдный митинг под открытым небом

Изабелла Блюм использует для пламенной агитации за дело мира.

Вся ее жизнь отдала достижению этой цели.

В 1950 году Изабелла Блюм подписывает Стокгольмское Воззвание о запрете атомного оружия.

В 1951 году она требует допущения в ООН законных представителей Китайской Народной Республики и выступает за встречу представителей пяти великих держав.

В 1952 году на массовых митингах она протестует против применения американскими агрессорами бактериологического оружия в Корее.

В 1953 году с трибуны бельгийской палаты депутатов она выступает против создания «европейского оборонительного сообщества», разоблачает лживые утверждения относительно мнимой «советской угрозы», со всей присущей ей страстностью восстает против перевооружения Западной Германии.

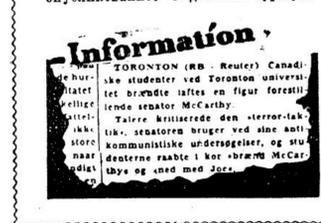
В марте 1953 года в городе Вене комиссия Конгресса народов в защиту мира было принято Воззвание к общественности. В этих по-матерински заботливых и по-мужски твердых словах мы услышали голос неумолимых борников «простого и прямого» дела мира.

Вера ИНБЕР

Главный редактор Б. РЮРКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Мы воспроизводим сообщение, опубликованное в датской буржуаз-

ной газете «Информашон» № 137 за 1953 год.

«Торонто (Ритсаус бюро — агентство Рейтер). Канадские студенты университета в Торонто сожгли вчера вечером фигуру, изображающую сенатора Маккарти. Выступившие с речью подвергли критику «тактику террора», которой пользуется сенатор, провозвещая свои антикоммунистические расчленения; студенты выкрикивали хором «Сожгите Маккарти!» и «Долой Долой!».

Имя американского сенатора Маккарти — Джозеф. (Ред.)